

Юлия Беринг

Игрушка
ЖЕСТОКОГО
НАСЛЕДНИКА.

Ты заставил меня
ТАНЦЕВАТЬ ПО СТЕКЛУ!

Юлия Беринг

**Игрушка жестокого
наследника. Ты заставил
меня танцевать по стеклу!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Игрушка жестокого наследника. Ты заставил меня танцевать по стеклу! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я приехала в элитную Академию искусств за мечтой — стать настоящей балериной. Но уже на первом просмотре богатая соперница толкнула меня на глазах комиссии, а жестокий сын ректора Артём Соколов объявил дисквалификацию. Потом предложил сделку. "Хочешь танцевать? Тогда забудь о жалости!" Он заставлял меня танцевать босиком по осколкам стекла. До крови. До обмороков. До потери голоса. Я ненавидела его. Но именно он первым увидел во мне талант. Когда академия решила меня уничтожить, Артём поставил на кон собственную карьеру ради моего возвращения на сцену. Теперь он просит прощения. Но как полюбить мужчину, который сначала научил меня ненавидеть себя?

© Беринг Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Юлия Беринг

Игрушка жестокого наследника. Ты заставил меня танцевать по стеклу!

Глава 1

Большой зал Академии искусств пах канифолью, старым бархатом и страхом. Для меня этот запах был как удар в висок. Я стояла за кулисами, сжимая край своей футболки до побелевших костяшек, и чувствовала себя не студенткой, а самозванкой в стране принцесс.

Просмотр проводили на полу перед сценой. Передо мной — паркет, отполированный до зеркала. За ним — комиссия из пяти человек в строгих костюмах. И зрители: тридцать «золотых детей» академии, которые танцевали так, будто гравитация для них была просто предложением, а не законом физики. А я? Я приехала из города, где название улицы знало только полтора человека. Стипендиатка. Нищая Вера. Единственная, кто мог выиграть эту роль, если бы тело перестало дрожать от мысли, что каждый мой шаг оценивается по цене моих ботинок.

«Вдох-выдох», — шептала я себе. Но лёгкие наполнялись холодом. Музыка началась. Тихий рояль, мелодия такая классическая, что у меня сводило челюсти. Мне нужно было показать контемпорари, но внутри всё кричало: «Не смей! Ты их опозоришь!»

Я сделала первый шаг. Не грациозный *plié*, а резкий, почти грубый выпад ногой. Тело отказывалось слушаться головы. Страх сковал мышцы, превращая пластику в деревянную дерганую куклу. Шепотки за спиной стали громче.

— Она даже центр тяжести не держит, — донеслось чьё-то презрительное мурлыканье.

Это слово — «центр» — стало красной тряпкой. Злость вспыхнула ярче страха. Я перестала пытаться быть «правильной». Вместо этого я позволила ритму ударить мне в солнечное сплетение. Я начала танцевать грязно, честно, ломая линии. Это был не балет. Это была борьба.

Во второй части я увидела Елизавету. Она сидела в первом ряду, скучаясь подперев щеку рукой. Идеальная осанка, безупречная укладка, взгляд пустой и высокомерный. Когда я проходила мимо неё в прыжке, она демонстративно зевнула. Громко. Специально.

— Как будто по полу терлась, — её голос пронзил тишину зала.

Словно ножницы. Моё внимание сорвалось с крючка. Я потеряла фокус на переходе, пятка скользнула по паркету. Равновесие качнулось. Сердце ухнуло в живот. Но падать было нельзя. Падать означало подтвердить слова Елизаветы.

Я поймала баланс на одной ноге, пальцы ног впились в дерево паркета, словно корни. Лицо исказилось от ярости, которая жгла изнутри сильнее стыда. Я решила закончить номер назло всем. Назло ей. Назло этому залу, который смотрел на меня как на насекомое.

Финальный пируэт. Кульминация. Я собралась в пружину, готовясь взлететь, чтобы доказать, что я достойна стоять здесь. Воздух вокруг загустел. Я оттолкнулась от пола, чувствуя подъём, свободу...

И тут мир перевернулся.

Елизавета не осталась на месте. Она поднялась со стула. Быстро, незаметно для камеры, но слишком очевидно для того, кто находится в воздухе. Её плечо ударило меня прямо в лицо. Удар был сухим, точным, расчётливым.

Мир стал красным. Потом чёрным. Потом белым.

Я упала. Не красиво, не артистично. Лицом вниз. На твёрдый, гладкий паркет. Боль взорвалась где-то между губами и носом, отдавая в уши звонким писком. Тишина зала давила на барабанные перепонки сильнее любого крика.

Я лежала, чувствуя тёплую влагу на верхней губе. Капля упала на светлый материал моего костюма. Красная точка на белом снегу. Мои ноги не слушались. Шокированные нервы требовали времени, но время здесь стоило денег. А у меня их не было.

Комиссия молчала. Ректор смотрел на мои растопыренные пальцы с холодным осуждением, ожидая слёз или жалобного всхлипа. Елизавета уже села обратно, делая вид, что ничего не произошло, поправляя юбку.

Я медленно поднялась. Колени дрожали. Кровь стекала по подбородку, капая на пол. Я не посмотрела на Елизавету. Не посмотрела на комиссию. Я просто стерла кровь краем футболки, оставляя размытый красный след на ткани, и открыла рот, чтобы сказать единственное, что могло спасти мою честь:

— Продолжим.

Но мой голос потонул в другом звуке. Шагах. Медленных, размеренных, уверенных.

Артём. Сын ректора. Хореограф дипломного спектакля. Человек, о котором шептались на каждом этаже академии как о боге и демоне одновременно. Он вышел из тени колонны, скрестив руки на груди. Его глаза были цвета стали, абсолютно лишённые тепла. Он не предложил помощь. Не спросил, жива ли я.

Он осмотрел меня сверху вниз, как дефектный товар на складе.

— У неё плохой центр тяжести, — произнёс он своим ледяным, бархатистым голосом. Слова падали в тишину, как камни в колодец. — Дисквалификация. Следующий.

Он даже не взглянул мне в глаза после этих слов. Просто отвернулся, указывая жестом на дверь.

Внутри меня что-то оборвалось. Не сердце, нет. Что-то более важное — вера в то, что справедливость вообще существует. Я не стала спорить. Не стала плакать. Слезы были бы роскошью, которую я не могла себе позволить. Я просто развернулась и пошла прочь.

За спиной раздался смешок Елизаветы. Тихий, торжествующий. Остальные студенты переглянулись с облегчением: угроза была устранена. «Грязь» ушла.

Коридор за дверью зала был пуст и гулок. Я шла, не разбирая дороги, пока не толкнула дверь с выцветшей надписью «Женская раздевалка».

Раздевалка пахла потом, дезодорантом и отчаянием. Здесь было пусто, все уже разошлись по аудиториям. Я укрылась в кабинке, прислонившись лбом к холодной стене. Руки тряслись так сильно, что я не могла собрать волосы в хвост. Резинка выскакивала, путалась, бессмысленно падала на пол.

Ощущение полной бесполезности накрыло меня с головой, как волна. Зачем я здесь? Чтобы унижаться? Чтобы доказывать свою никчемность перед теми, кто родился с золотой ложкой во рту? Я должна была вернуться домой. В провинцию. Найти работу официантки. Забыть, что когда-то мечтала летать.

«Трусиха», — прошептал внутренний голос.

«Никому не нужна», — добавила реальность.

Боль в губе пульсировала в такт сердцу. Физическая боль была понятнее, честнее эмоциональной пустоты. Она не врал.

Я ударила кулаком в металлическую дверцу шкафчика. Глухой, гулкий звук эхом отразился от стен. Боль в костяшках была острой, приятной. Она заглушила стыд. Я схватилась за край настенного зеркала, оно опасно закачалось на креплениях, и резко отдернула руку, боясь разбить его окончательно.

Дверь раздевалки скрипнула.

Я замерла, ожидая насмешек однокурсниц или приказа уборщицы. Но на пороге стоял Артём. Он закрыл дверь за собой, отсекая внешний мир. В полумраке раздевалки его силуэт казался огромным, нависающим надо мной.

Я инстинктивно отступила, прижавшись спиной к шкафу. Ждала удара. Или ещё одного приговора.

Он достал из кармана пиджака платок. Белый, идеально сложенный. Протянул его мне.

— Ты упала неправильно, — сказал он тихо. Без злобы. Просто констатируя факт.

Я не взяла платок. Смотрела на него, пытаюсь понять, над чем он смеётся.

— Твоя техника — мусор, — продолжил он, и каждое слово било точно в цель. — Ты нарушаешь все каноны академии. Тебя возненавидят за это. Но твой ритм... — он сделал паузу, и в его стальных глазах мелькнуло что-то странное, почти голодное. — Это редкость.

Он подошёл ближе. Я почувствовала запах дорогого одеколона, смеси цитруса и чего-то тёмного, древесного. Чужой власти.

— Мне нужен кролик для эксперимента, — произнес Артём. — Смешать балет с улицей. Сделать то, что считается ересью. Система тебя сломает, Вера. Но я могу научить тебя ломать систему.

Он бросил платок мне в руки. Ткань скользнула по моим ладоням, холодная и шелковистая.

— Ты будешь танцевать то, чего нет в учебниках, или ты уйдешь навсегда? Выбор за тобой. Но помни: уходить сейчас — значит признать, что Елизавета права. Что ты грязь.

Я смотрела на платок, затем на его лицо. Это не была помощь. Это была ловушка. Самый опасный вариант выживания в мире, который меня отверг. Он видел во мне потенциал там, где другие видели лишь неудачницу. И его жестокость была инструментом отбора.

Я поднесла платок к лицу. Он пах дорогим одеколоном и чужой властью.

— Завтра в шесть утра, — сказал он, разворачиваясь к двери.

Хлопок. Дверь закрылась.

Я осталась одна в полумраке, с кровоточащей губой, сжимая в руках чужой платок, с ощущением, что только что продала душу дьяволу ради права снова ступить на этот паркет.

Глава 2

В шесть утра зал №4 пах хлоркой, старым деревом и чьим-то дорогим парфюмом. Я стояла в центре, как муха на лобовом стекле, ожидая насмешки. Ожидая, что кто-нибудь из «золотых» студентов, пришедших на раннюю разминку, шепнется: «Смотри, плевели пришли».

Но тишина была абсолютной. И тяжелее любой толпы.

Артём сидел на скамье у пианино и смотрел на меня. Не с презрением, не с жалостью. С пустотой исследователя, разглядывающего подопытного кролика перед первым укусом. Он молчал. Его глаза — серые, холодные, как зимнее озеро — сканировали мою дешевую спортивную форму, мои стоптанные кроссовки, мои дрожащие руки.

— Я готова, — выдохнула я. Голос сорвался.

Он даже бровью не повел. Только чуть наклонил голову, словно давая понять: слова здесь бесполезны. Тело должно говорить само.

Я замолчала. В горле встал ком. Здесь действовало только тело. А моё тело сейчас хотело убежать, свернуться клубком и умереть от стыда за то, что Елизавета толкнула меня в лицо при всех. За то, что Артём сказал: «Дисквалификация». Но ноги не несли. Они вросли в пол, как корни старого дуба.

— Музыка, — коротко бросил он, не поворачиваясь.

Он нажал кнопку плеера. Из колонок посыпались первые ноты. Звук был неправильным. Диссонансным. Смесь классической сонаты Бетховена и глитча, цифрового шума, который резал слух, как битое стекло. Мозг кричал: «Это ошибка! Это фальшь!»

— Перенос веса, — приказал он. — Забудь про балет. Ты — вода.

Я рефлекторно напрягла пресс, вытянула носок, пытаюсь сделать «правильную» линию. Пятку выше, колено ровнее. Так учат. Так делают все. Чтобы быть красивыми. Чтобы их приняли.

Но вода не имеет формы. Вода принимает форму сосуда.

Моя «правильная» линия рухнула. Нога скользнула по полу, покрытому тонким слоем пыли, которую никто не стер. Я потеряла равновесие и грохнулась коленями на выступающий стык плашек. Боль вспыхнула белым пятном перед глазами.

— Ай!

Артём остановил запись. Пауза затянулась на три секунды.

— Ты боишься упасть, — констатировал он холодно. В его голосе не было сочувствия. Только констатация факта, как диагноз. — А мне нужно, чтобы ты умела лететь вниз. Балет учит тебя прятать падение. Контемпорари требует его показать.

Он повернулся ко мне лицом. Встал со скамьи бесшумно, как кошка. Подошел ближе. Я подняла взгляд, чувствуя, как колени горят огнем.

— Если я такая плохая, зачем тебе это? — спросила я. Злость прорвалась сквозь страх. — Унижаться ради твоего эксперимента? Ради того, чтобы стать посмешищем для всей академии?

Артём остановился в метре от меня. Он посмотрел вниз, на мои колени, потом снова мне в глаза.

— Твой центр тяжести смещен. Не потому что ты слабая. А потому что ты боишься быть отвергнутой. Ты пытаешься соответствовать чужим ожиданиям, а не своим ощущениям. — Он сделал шаг назад, возвращаясь в роль режиссера. — Я предлагаю сделку. Я научу тебя контролировать этот страх через боль. Через разрушение старых паттернов. Ты станешь моей полигонной площадкой. Моим инструментом. Согласна?

Гордость кричала: «Нет!» Амбиция шептала: «Да, если это даст шанс танцевать».

— Никаких свидетелей, — сказала я твердо. — Только мы двое. Иначе я уйду.

Артём усмехнулся. Криво, одними уголками губ.

— Как скажешь, Верочка.

Он продиктовал номер, велел сохранить и сразу убрал телефон. Я записала его как «Чудище». На экране это выглядело недостаточно оскорбительно.

Первая попытка «сломать паттерн» началась через десять минут. Он высыпал на пол мелкие керамические осколки, которые принес в кармане. Или камушки. Я не спрашивала. Просто увидела, как они блеснули в свете ламп.

— Танцуй босиком, — скомандовал он.

— Ты издеваешься?

— Дыши. Танцуй.

Я стянула кроссовки и носки. Ноги дрожали. Ступни были чувствительными, натертыми днями тренировок в пуантах. Когда я наступила на первый камушек, пальцы сами собой сжались.

— Не останавливайся, — голос Артёма стал жестче. — Чувствуешь дискомфорт? Хорошо. Это сигнал. Твоё тело привыкло игнорировать сигналы, чтобы выглядеть красиво. Теперь слушай их.

Он снова включил запись и начал дирижировать руками. Резкие взмахи, остановки. Я должна была двигаться в ритме диссонансной музыки, перекачивая вес с одной ноги на другую, делая выпады, приседания. Каждый шаг причинял боль. Острые края впивались в кожу. Пот стекал по спине, холодный и липкий.

— Выше плечи! — крикнул он. — Ты сутулишься от боли! Покажи мне свою силу, а не страдание!

Я закричала внутри себя. Хотела плюнуть ему в лицо. Хотела бросить эти чертовы камушки и уйти. Но ноги продолжали двигаться. Магия момента захватила меня. Впервые за годы я чувствовала каждый миллиметр своего тела. Каждую мышцу. Каждую боль. Она была моей. Настоящей.

И тут спина заныла. Резко, пронизывающе. Спазм мышц поясницы сковал движение. Я замерла посреди зала, согнувшись; я пыталась поднять руку, но спину сводило при каждом движении.

— Продолжай, — сказал Артём.

— Не могу... — прошептала я. Глаза защипало.

— Не плачь. Плачешь — теряешь ритм. Дыши через зубы.

Я стиснула челюсти так, что скрипнули зубы. Боль нарастала. Я видела своё отражение в огромном зеркале напротив: растрепанная, потная, с искаженным лицом. Монстр.

Артём подошел ближе. Он не бил. Не толкал. Он просто взял мой подбородок своей холодной рукой и заставил посмотреть ему в глаза.

— Ты хочешь уйти домой? — спросил он тихо.

— Да, — выдохнула я.

— Тогда оставайся слабой.

Он отпустил меня. И вдруг сам лег на пол рядом со мной. Прямо на керамические осколки. Без гримасы боли.

— Что ты делаешь? — ужаснулась я.

— Показываю, как расслабить поясницу. Имитация падения. Лежи так. Отпусти контроль. Пусть гравитация сделает работу за тебя.

Это выглядело абсурдно. Комично. Сын ректора, самый жестокий хореограф академии, лежит на полу в залитом потом зале, демонстрируя технику падения на острые камни.

Я последовала его примеру. Ложась, я почувствовала, как спазм медленно отпускает. Тело обмякло. Мы лежали лицом к лицу, разделяя несколько сантиметров воздуха и запах его дорогого парфюма, смешанный с запахом моего страха и пота.

Тишина. Только эхо нашего дыхания.

В этот момент дверь зала скрипнула.

Резко. Громко. Свет коридора ударил нам в глаза.

Елизавета стояла в дверях. За её спиной маячили две девушки из её свиты. Она смотрела на нас: на Артёма, лежащего на полу в своих идеальных брюках, и на меня, раскрасневшуюся, с мокрыми волосами, лежащую рядом с ним.

Улыбка Елизаветы была медленной, ядовитой.

— Вот это поворот, — протянула она. — Эксперименты на грани фола, Артём? Или это новый метод оценки «технической гибкости»?

Сердце ушло в пятки. Это компромат. Это конец. Академический совет узнает, что сын ректора «развлекается» со стипендиаткой в закрытом зале. Меня отчислят мгновенно.

Я попыталась сесть, но Артём не двинулся. Он лежал спокойно, глядя на Елизавету с тем же ледяным безразличием, что и на меня минуту назад.

Он резко встал. Отряхнул брюки. Движения были точными, хищными. Он посмотрел на Елизавету сверху вниз, хотя она была почти одного роста с ним.

— Она учится падать, — произнес он холодно. — Тебе бы тоже стоило потренироваться перед тем, как толкать людей.

Елизавета побледнела. Румяна на щеках стали похожи на грязь. Она ожидала оправданий. Извинений. Негласного признания вины. Но получила прямую атаку. Циничную, жестокую, защищающую не меня, а процесс.

— Ты... ты преувеличиваешь, — пробормотала она.

— Прочь из зала, — приказал Артём. Не повышая голоса.

Елизавета развернулась. Её свита вышла первой, бросая на меня косые взгляды, полные презрения и зависти. Лиза хлопнула дверью так сильно, что треснувшее у крепления зеркало задрожало, а его нижний угол осыпался на паркет.

Дверь закрылась. Тишина вернулась. Но теперь она была другой. Наэлектризованной.

Я осталась сидеть на полу, чувствуя, как спина болит уже меньше. Артём стоял над мной, засунув руки в карманы.

— Почему ты ей ответил? — спросила я хрипло.

Артём пожал плечами. Его лицо снова стало маской недостижимого бога.

— Она мешала фокусу. Ты слишком отвлеклась.

Он протянул мне руку. Чтобы поднять.

Я взяла её. Его пальцы были холодными, как сталь. Хватка крепкая. Он рванул меня вверх, легко, будто я весила перышко. Но когда мои ноги коснулись пола, он не отпустил запястье сразу. Секунду. Ещё одну.

Я посмотрела ему в глаза. В этих серых глубинах мелькнула тень. Узнавание.

На слове «толкать» он смотрел не на меня, а на Елизавету. Значит, видел вчерашний удар. Видел — и всё равно выгнал меня перед всем залом. Теперь её выгнал тоже. Хотелось спросить, почему со мной нельзя было поступить так сразу, но его пальцы ещё держали моё запястье, и я ждала, когда он отпустит.

Мы не союзники по доброй воле. Мы два монстра, которые нашли друг друга в зеркале. Он использует мою ярость как топливо для своего искусства. И это пугает меня больше, чем буллинг. Больше, чем боль от камней. Потому что я начинаю понимать правила игры. И мне нравится, как я играю.

Он отпустил моё запястье, и кожа горела там, где касались его пальцы. Я знала: завтра он придумает новую пытку. И я буду ждать её, как ждут рассвета после самой долгой ночи. Потому что только в этой клетке из зеркал я наконец видела себя настоящую.

Глава 3

Зал №4 пах хлоркой, потом и старым деревом. Но сегодня к этому букету примешался запах металла. Осколки зеркала, разбитого вчера во время скандала с Елизаветой, никто не убрал. Артём стоял посреди зала, скрестив руки на груди, и смотрел на меня так, будто я была не человеком, а ошибкой в коде.

— Босиком, — сказал он. Не вопрос. Приказ.

— Там стекло, — прошептала я, чувствуя, как холодок пробегает по позвоночнику.

— Именно поэтому. Ты боишься пола, Вера. Твой центр тяжести где-то в голове, а должен быть в ступнях. Почувствуй вибрацию. Иди.

Я сделала шаг. Острый край осколка впился в подушечку большого пальца. Боль была острой, почти белой вспышкой перед глазами. Я дёрнулась назад, инстинкт самосохранения кричал «беги», но метроном в колонках начал отбивать ритм. Тук. Тук. Тук. Громкость на максимуме, чтобы заглушить мысли.

— Деревянная, — бросил Артём, даже не подняв глаз от блокнота. — Стыдись.

Второй шаг. Кровь потекла по своду стопы, оставляя красный след на паркете. Я не смотрела вниз. Смотрела прямо ему в глаза. Его взгляд был пустым, зеркальным. Он не видел мою боль, он видел отсутствие техники.

Третий шаг. Четвёртый. Пятый.

И тут дверь скрипнула.

Елизавета вошла, держа в руках чашку кофе, который выглядел слишком дорогим для этого подвала. Она улыбалась той улыбкой, от которой у меня всегда сводило челюсти.

— Проверяю безопасность, — её голос звенел фальшью. — Вдруг ты поранишься и обвинишь академию в небрежности?

Она прошла мимо, задев моё плечо. Жёстко. Специально. В момент, когда я готовилась к сложному балансу на одной ноге, перенося вес на раненую стопу.

Мир качнулся. Инстинкт шептал: упасть, схватиться за неё, показать всем, кто здесь жертва.

Но тело помнило вчерашний урок. Центр тяжести сместился не наружу, а внутрь, вглубь оси вращения. Толчок Елизаветы стал импульсом. Я не упала. Я продолжила движение, превратив атаку в плавный пируэт, завершив его идеальной остановкой в арабеске.

Тишина.

Елизавета замерла с чашкой в руке. Кофе дрожал в ней.

Артём перестал писать. Медленно поднял голову. В его серых глазах мелькнуло что-то новое. Не одобрение. Удивление. Он увидел не танцовщицу, которая держит равновесие, а хищника, который использует чужую силу против хозяина.

— Довольно, — сказал он резко, и в голосе прорезались нотки раздражения. Слишком сильного для простого учителя.

Я выдохнула, и колени предательски дрогнули. Мир поплыл. Темнота накатывала волнами. Я оперлась о стену, чувствуя, как ладонь скользит по штукатурке. Сознание мутнело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.